

Артём Быков

Быков Артём Олегович родился 05.05.1987 в Свердловске. Учился в УрГУ, сейчас студент исторического факультета Уральского педагогического университета. Работал грузчиком, помощником геодезиста, курьером, продавцом, мерчендайзером. Стихи пишет с 2002 г. Участник семинара Андрея Санникова «Клуб капитана Лебядкина», фестивалей «Урал-Транзит», «ЛитератураРентген», многочисленных чтений и слэмов. Публиковался в журнале «Урал». Участник АСУП-3. Живет в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов А.Б.

Традиции, направления, течения: неobarocko, постмодернизм, неомодернизм.

Основные имена влияния, переклички: В. Сошнора, А. Ерёмченко, И. Северянин, А. Санников, В. Семенчул.

Основные формальные приемы, используемые автором: актуализация памяти жанра (послания, разговоры), анаграммирование, метонимический перенос, техника выстраивания контрапункта поэтических голосов, анжанбеман, сдвиг цезуры, введение психологического контекста, изъятие грамматического субъекта.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: фокусировка на культурном контексте и трансформация образов мировой культуры, философское осмысление собственной жизни, мотив глухоты, слепоты, скуки, смерти; образы – бог, небо, цветы, вода (река).

Творческая стратегия: поиск культурной, социальной идентичности посредством поэтического творчества.

Коэффициент присутствия: 0,43

АВТОБИОГРАФИЯ

Первое, что помню, – чувство собственного сознания, резкое, как тумблера щелчок. Позже (до того нахлеставшись вусмерть) на кафельном полу ванной комнаты без звука, света и памяти я по-

нял, насколько это соответствует появлению, настолько и опыту Декарта со словами «Cogito ergo sum». В то утро над его могилой стоял смерч.

Воспитывался я в обычной советской семье перестроечного типа – то есть безотцовщина. Отношения «отца» с матерью интимны и оттого лично мне безынтересны. Однажды мне довелось видеть его, но четверть века спустя это, мягко говоря, не актуально. Семья-то большая, и здесь вполне могут уместиться все определения кровного родства. Близкие – мамини шесть сестёр и два брата с вагоном двоюродства. Сейчас на Урале родственников мало.

Бабушка родом с Северцины, из Комарицкой волости. Господь подыграл мне родиной первого (пока что) памятника древнерусской литературы. В начале 50-х бабушка по сумбурным причинам переехала в Свердловск, поступила на филологический факультет. Училась недолго, потому что семья, дети, труд на заводе по имени «Уралмаш». Однако филологическая закваска, я полагаю, сильна до сих пор – абсолютная грамотность и повсеместное критиканство. С 2007 года живёт в США.

Дед из пермских крестьян старинного села Русский Сарс. История их велика и обильна – за 300 лет они перекаленились из полевых в русских, утратили старый обряд и выучили татарский язык как второй. Дед рано лишился

матери, голодал, пока его отец строил Беломорканал. Кроме того, военное детство и 5 лет на ТОФ (Тихоокеанский флот) оставили свои отпечатки. Оставшееся время он был мужем, отцом, дедом и рабочим, пока не умер. Первый гид по нюансам жизнедеятельности.

Мама, Светлана Аркадьевна, второй ребёнок в семье и первый, получивший высшее (экономическое) образование. Во время заочного студенчества (после техникума) маме представилась возможность переехать в квартиру сестры деда, Елизаветы Ивановны (тёти Лизы, как я называл её, вторя взрослым). Вскоре эта квартира стала и моим домом. Мама, человек чувственный, интересовалась искусствами общедоступными – кинематографом, музыкой и литературой. Первые представления об этих способах и способностях выражения человека я получил из её уст, хотя бы и в виде китча. В связи с маминой трудовой занятостью моим воспитанием занималась тётя Лиза. Человек законопослушный, совестливый, с крестьянской этикой (сродни самурайской), она навсегда привила ребёнку скромность и деликатность вместе с конформизмом и чувством стыда. Вульгарно говоря, я получил бабское воспитание. Я знал три слова – звуки, образы, запахи. Сейчас я знаю, что у человека 18 рецепторных систем, но тогда всё казалось огромным столбом. Звуки музыки заставляли моё ивовое тельце бесноваться, запахи говорили мне, где зима, где весна, где дождь. А где мама, и мама именно зимой, где-то облаянная собакой. Детскими играми были игры в войну, Гитлера и самоубийство. Часто я отождествлял себя с другими людьми и днями жил чужой жизнью. Иногда это были животные. Фантазия представляла настолько неадекватные образы, что только подростком, посредством рассудка, я отделил их от реальных воспоминаний. Ассоциации и произвольная память стали всем для меня в мире. Многие образы навсегда – воображаемый календарь, это цветной циферблат с движением против часовой, но без стрелки.

Читать/писать получилось до школы. Благодаря порыву энтузиазма в начальной школе я был, пожалуй, немного ленивым, но отличником. Порыв этот время от времени начинался во мне на протяжении всей школьной десятилетки, но больше уходил в лицедейство с пейсами и плясками, чем в образование. Читать нравилось только то, что выбирал сам, всякую беллетристику. Так что «Тихий Дон», Александр Дюма-отец и весь Морис Дрюон прочитаны до старших классов.

Не хватало «отца», что послужило началом значительных метаморфоз. Отчим, поначалу человек увеселительный, бойкий и музыкальный (самоучка), взялся учить меня быть мужчиной, но чрезмерно увеселился прохладительными напитками. Ничего позитивного из этого не получилось. За

бойкое было больно, а пианино пришлось продать. Мне быстро удалось познать радости семьи алкоголика, насилия, нищевродства и голых стен. Страна тогда плохо дышала, и больше всего я ненавидел маргарин «Рама» и ЕБН.

В подростковом возрасте проявляется животное происхождение человека, особенно в специфике Уралмаша. Оказавшись между школой и домом, я предоставил сам себе мир без унижения и агрессии. Эта среда невоспитанности культивировала во мне детское своеволие, которое до сих пор отвращает меня. Прогуливал в библиотеках, а позже – в компьютерных клубах (мания виртуального тогда ещё набирала обороты). Часть времени проводил «с пацанами», часть – в заботе о младшем брате. Полагаю, ему и мне пригодился ураганный эмпирический опыт. В разное время посещал секции спортивного ориентирования и бокса.

С последней школой повезло – благодаря соседским связям я попал в хорошую школу. «Литературный» класс под руководством директора, и руководителя, и учителя Татьяны Владимировны, гениального физика Феликса Владимировича. Слова благодарности созревают с возрастом. Какие-нибудь, но у меня получились знания, друзья и воспоминания о школьных годах. Аттестат получился отвратительным. Особо нравились взрослые развлечения: анаша, алкоголь и бандитизм. Бандитизм, слава Богу, не вырос, а выросло ночевать в обезьяннике, огрести на стреле и забыть про такие слова. Музыка нравится разная, но тогда тема гетто, несправедливости и неравенства была ближе.

После школы долгое время я перебивался унылыми работами и попытками учиться в вузе за счёт государства. Хотел получить техническое образование. Работа иногда находилась авантюрная,

С. В. Корневой на ЛитературРентгене, 2008 г.

но пережитое лучше, чем непережитое. В итоге поступил на истфак (заочно), с чего и следовало начинать. В свободное время, которого навалом, я, как все молодые люди неопределённой занятости, заслушивался музыкой (освоил гитару), тусовался и писал неумелую fiction.

Поэзия началась с вешалки, в детсаду со сцены. Это был Тютчев, что-то долгое про природу. Потом были лёгкость Александра Сергеевича, немного Брюсова из домашней библиотеки и стихи про войну. Всё это постольку поскольку. Хотя, наверно, только песни предоставили мне понятие о сложении слов. До сих пор их люблю, народные, авторские. В 10 лет я написал первые стихи и песню. Мотив её был «до боли знаком», и взрослым понравилось. Никто не поверил, что я сам, на этом и закончили. Потом были кое-как зарифмованные тексты на социальную тематику, на безответную любовь, на страх смерти, про Бога и справедливость. Выражение всегда идёт через отклонение в нервной деятельности. Всё, что было, делилось на «красивизмы» и про какашки. Чтение качественных поэтов Серебряного века по школьному курсу подсказало тенденции, но поэзии не прибавило. Маяковский, Хлебников, Северянин, Лившиц, Блок, Мандельштам, Хармс.

В 2006 году меня спросили: кто не пишет стихов в 19 лет? Я не писал. Само слово «писать» объединяет литературу с живописью и музыкой, и тогда все вопросы «в чём тут смысл?» необходимо адресовать Хичкоку. В чём смысл 40-й симфонии Моцарта или каковы на вкус эти яблоки на картине? Полагаю, и сам смысл слова «смысл» утрачен,

теперь он не иначе как «мораль сей басни такова». В том году мой друг (Настя) рассказала мне, что некто Санников Андрей собирает поэтический семинар. «Клуб капитана Лебядкина», его значение в целом, и конкретно Андрея Юрьевича, для моих стихов не оценимо. Сначала было отвратительно от оценок и усмешек, но через усилие над самолюбованием пришло то элементарное «хорошо и плохо». За неделю я исписал 96-листовую тетрадь, где расставлял ударения, количество слогов, виды рифмы и строфику всякого текста, что попадал в поле зрения. АЮС еженедельно снабжал семинаристов книгами, призванными, как эбонитовая палочка, выпрямить вкус. Благодаря семинару многие интересные люди (поэты и нет) стали моими друзьями и близкими, благодаря АЮС я узнал о современной русской/уральской литературе. Техника письма тоже благодаря. Для меня семинар длился 3 года. Потом стало некогда, стихов меньше, привычка перестала быть. Это чрезвычайно важный, но пройденный этап, и я его помню.

Неудобство в том, что поэзии две, одна в другой – как вид текста и как наилучшая форма этого же текста. Омонимичность окончательно усложняет детерминацию. Плохая поэзия – оксюморон. Условия обычны: стихи – это вот рифма, строчки одинаковой длины и более-менее связанный текст, поэзия – то же самое, но и что-то ещё, или не то же самое, а что-то ещё. Виртуальная живопись через шифр слов. Первым опытом «литпроцесса» был Урал-Транзит в декабре 2006 года. Сама атмосфера, ночной Кыштым, активные вли-

вания и слова в непривычном порядке произвели впечатление выхода в открытый космос. Это впечатление – до сих пор. Со временем и новыми людьми оно изменялось, но не проходило. Каждый из поэтов, которых я знаю (читал, а лично – тем более), вручил мне свой фокус (в обоих смыслах), тем самым изменив и мой текст. Большая часть этих поэтов представлена в АСУП-3.

За последние (на сегодня) 4 года я радовался театру «Драбадан», бессодержательным спорам о судьбах русской литературы, теоретизации кинематографа, выпивке и чтению стихов во дворах и кабаках. В кабаках читается по-другому, и это, наверно, честней, чем в Доме писателей. Некто говорил, что вне контекста нет текста. Контекст или даже контекстность (шахматы/игра в шахматы) – это условие искусства (не «что», а «как»), среди которого поэзия вроде ментальной физики. Не сами вещи, а представления о них, препарирование идиом и значений, потому что слова ничего не значат. В этом порядке есть (пере)осмысление, он же «смысл», и всегда новый (хорошо забытый). Проблема определения поэзии (и её отделения от прозы) такая же, как проблема определения языка. Человечий мозг не понимает континуумов, ему остро необходимы дискретные сущности – точно знать, где заканчиваются ноги и начинаются тапочки. Хотя всё, что в нас есть, – непрерывно. Да, на стадии бега с макролитами

отдельное слово было поэзией, но вроде условия изменились? *Argo longa sed non permanentem est.* Из инструментов разве что ритм, из способностей – точность и остроумие. Традиции как тарелки, но и просто слова построчно – это чаще возглас невежд. Поэзия для меня – когнитивная терапия. Можно вообще не писать, только говорить или только мыслить. Для читателя она – интерпретация и эмпатия. Никто не заставляет понимать мир вокруг себя, особенно чужим разумением. Недостатки моих текстов – перегруженность внутренним смыслом слова, пренебрежение нарративом, и часто я не убираю лишнее. Это вопрос навыка (его отсутствия) и, следовательно, придётся подумать.

Сегодня учусь и работаю, занимаюсь оптимизацией процессов обслуживания бизнес-рынка в сфере телефонии и ШПД. Оптимизацией меня занимается женщина (спасибо, Света), вторая из трёх самых главных в жизни мужчины. Читаю периодику, публицистику, научную литературу (история), изредка романы. Из последнего литературного – Лоуренс и Буковски. В моих интересах феномен искусства и науки о человеке – провалов в образовании достаточно. Трэш и угар приветствуется так же, как атараксия и экзистенция. Пишу медленно – это сказка о потерянном времени, но просто без этого жужжания в голове уже не умею.

Сентябрь 2012, Екатеринбург